

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1849.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ-ПЯТАЯ.

С. П. Б.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

КИРГИЗСКІЙ ТУЙ.*

(М. Я. КИТАРЫ.)

Весь іюль 1846 года обстоятельства заставили меня провести въ ставкѣ Хана Внутренней, или Букѣвской, Киргизской Орды, расположенной въ 66 верстахъ на Юго-Востокъ отъ Эльтонскаго солянаго озера. Это малолюдное Русско-Азіатское селеніе, какъ само-собою, такъ и своими далеко не живописными окрестностями, только на два, много на три дня можетъ завлечь вниманіе путешественника; далѣе ожидаетъ его скука, тѣмъ-болѣе невыносимая, что здѣсь нѣтъ ни общества, ни библіотеки, которыя могли-бы разогнать ее; нѣтъ ничего, кромѣ знойнаго солнца и болотнаго воздуха, неотлучныхъ лѣтнихъ спутниковъ Ханской-Ставки. Порой только развлекуть ваше усыпленное вниманіе Черноморская

* Киргизское слово «туй», можно перевести по-Русски «пирь».

почта, да и небольшія конныя скачки: но какъ та, такъ и другія, по пустотѣ ихъ содержанія, скоро входятъ въ тираждъ предметовъ самыхъ обыкновенныхъ, лишенныхъ почти всякаго интереса.

Въ такомъ-то мѣстѣ я доживалъ уже третью недѣлю, изучая, отъ нечего дѣлать, всѣ фазы скуки: какъ вдругъ былъ пріятно изумленъ приглашеніемъ одного знакомаго, подобно мнѣ скучавшаго, на «Киргизскій туй»; изъ этого приглашенія я узналъ также, что верстахъ въ 50 отъ Ставки Хана расположенъ довольно большой аулъ, въ которомъ живетъ богатый Старшина, по имени Акъ-Булатъ, «дѣлающій туй», то-есть созывающій на пиръ гостей, по случаю отъѣзда его сына, отправляемаго имъ въ Неплюевскій Кадетскій Корпусъ для воспитанія. Не заключайте впрочемъ изъ этого, что туй, или домашній шрапникъ, дѣлается исключительно при отъѣздѣ кого-нибудь изъ семейства: напротивъ—это одна изъ рѣдкихъ причинъ, а чаще всего туй бываетъ при засватываніи невѣсты, при платежѣ калыма, при самой свадьбѣ; иногда затѣвается онъ для какого-нибудь почетнаго гостя; а часто и такъ, безъ особенной причины, какъ и у насъ Европейцевъ; богатые Киргизы приглашаютъ знакомыхъ повеселиться.

Раннее утро слѣдующаго дня назначено было для выѣзда; но сборы въ путь, хотя-бы и самый короткій, всегда такъ мѣшкотны, что мы не ранѣе восьми часовъ успѣли выѣхать

изъ Ставки Хана. Дорога съ самаго начала шла прямо на Сѣверо-Западъ и состояла изъ двухъ полосъ протоптанной земли, что служило вѣрнымъ указаніемъ на малый развѣздъ по ней, а широкое разстояніе между колеями невольно убѣждало въ томъ, что этой дорогѣ знакомы только русскія телѣги; и въ самомъ дѣлѣ, два раза въ годъ, весною и осенью, тянутся по ней длинные ряды телѣгъ, нагруженныхъ различнымъ товаромъ, везомымъ изъ-подъ Саратова на Киргизскія ярманки. Въ остальное время года, эта степная дорога пуста, или только изрѣдка тревожитъ ее экипажъ путешественника, время-отъ-времени посѣщающаго Ханскую-Ставку.

По такой дорогѣ мы ѣхали довольно быстро и скоро нагнали толпу Киргизскихъ всадниковъ, сопровождавшую четыре повозки, въ которыхъ помѣщались, по-большей-части, приглашенные на туй русскіе жители Ставки; одна только изъ этѣхъ повозокъ принадлежала Киргизскому Султану, и на нѣсколько минутъ привлекла все мое вниманіе. Ея хозяинъ, въ-старину удалый наѣздникъ, а теперь хотя живой и веселый, но все-таки дряхлый старикъ, доживая девятый десятокъ, убѣдился, что пора уже бросить сѣдло и подумать объ экипажѣ болѣе спокойномъ; русскій тарантасъ для степныхъ его развѣздовъ былъ-бы весьма пригоденъ, но Султанъ, какъ и каждый Киргизъ, не любя подражанія, придумалъ свой экипажъ съ европейскимъ основаніемъ, но азі-

атскою отдѣлкою. Представляю подробное описаніе этого экипажа, какъ образчика изобрѣтательности Киргиза высшаго круга, много видѣвшаго, не разъ даже посѣщавшаго обѣ Столицы наши.

Ходъ экипажа, то-есть оси, колѣса и три дроги, былъ сдѣланъ совершенно какъ у нашихъ тарантасовъ, съ тою только разницею, что дроги позади кузова, во всю длину ихъ, были соединены поперечными дощечками, вѣроятно для кладки тяжестей, а впереди кузова не имѣли и слѣдовъ козелъ, гдѣ-бы могъ помѣститься кучеръ. Кузовъ имѣлъ видъ продолговатой четырехугольной будки, съ выпуклымъ, въ видѣ полуцилиндра, вѣрхомъ; внутри этого кузова, вдоль четырехъ стѣнъ его, шла невысокая, съ дверцами по бокамъ, рѣшетка, выкрашенная яркою синей краскою. Изъ угловъ этой рѣшетки выходили четыре довольно длинные и толстые столбика, которые, соединяясь попарно другъ съ другомъ, образовывали двѣ дуги, переднюю и заднюю, связанныя между собою тремя полосами желѣза. На эту основу натянута была весьма тонкая кошма или, лучше, самое толстое сукно домашняго приготовленія, окрашенное еще въ шерсти яркимъ пунцовымъ цвѣтомъ; внизу и по бокамъ оно было оторочено узкою бѣлою тесьмой, чрезъ которую проходили и гвозди, прикрѣплявшіе сукно къ деревянной основѣ кузова. Противу дверецъ рѣшетки, на каждой сторонѣ, былъ вырѣзанъ въ сукнѣ четырехуголь-

ный входъ въ экипажъ, который окаймлялся тонкою деревянною рамою, укрѣпленною въ основаніи кузова; этотъ входъ прикрывался сверху доскутомъ тогоже сукна, который, въ случаѣ надобности, свивается вверхъ въ трубку и привязывается тамъ шнуромъ. Внизу, подъ дверцами, на каждой сторонѣ, находилась желѣзная подножка, самой незатѣливой формы. Дно кузова было сколочено изъ тонкихъ поперечныхъ дощечекъ. Всѣ части экипажа были такъ тонки и легки, что, несмотря на множество огромныхъ подушекъ, которыми наполнялся онъ, одна лошадь безъ труда могла везти его; но обыкновенно впрягаются двѣ лошади: одна въ корень, другая, осѣдланная, впереди; обѣ соединялись двумя веревками, идущими отъ концевъ оглоблей къ основанію стремянъ сѣдла. На верховую лошадь садился Киргизъ — кучеръ, и управлялъ поѣздомъ. Этотъ дивный экипажъ, впрочемъ, былъ первымъ и послѣднимъ предметомъ, развлекавшимъ наше вниманіе; во всю остальную дорогу мы видѣли только огромную круглую площадь, въ центрѣ которой катился тарантасъ. Это ровное пространство справедливо называется «степью», которая, въ этой сторонѣ, скучна и невыносима: здѣсь не услышите вы пѣсни соловья, вовсе незнакомой Киргизу; не увидите и другихъ болѣе обыкновенныхъ птицъ; порой только замѣтите какъ летаетъ соколъ, да спугнете жаворонка, громкій голосъ котораго скоро прискучитъ ваше

му слуху. Здѣсь не увидите вы той пріятной для глазъ зелени, какую встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ странахъ нашихъ; есть трава — но какая? полынъ больше сѣрая, нежели зеленая; не найдете ни красиваго цвѣточка, ни кустарника, ни дерева — ничего такого, на чемъ-бы могъ отдохнуть утомленный однообразіемъ взоръ вашъ. . . . Все это, при нестерпимо знойныхъ лучахъ июльскаго солнца, дѣлало путь нашъ крайне скучнымъ и непріятнымъ. . . . Но вотъ зоркій глазъ Киргиза, бывшаго у насъ кучеромъ, отличилъ на горизонтѣ нѣсколько едва замѣтныхъ бугровъ — цѣль нашего путешествія. И въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ полчаса мы явственно различили большой Киргизскій аулъ, еще черезъ полчаса могли сосчитать кибитки его составляющія, и чрезъ нѣсколько минутъ потѣмъ были уже въ самомъ аулѣ. Это ухаживало же аххет окою

Экипажи остановились около одной изъ большихъ кибитокъ, покрытой новыми бѣлыми кошками. Мы вышли, и въ дверей этого складнаго дома насъ встрѣтилъ хозяинъ. Фамилія «Акъ-Булатъ» (въ переводѣ: «Бѣлая-Сталь») удивительно плакъ ему: рѣзкія и суровыя черты лица его располагались на испеченной знойнымъ солнцемъ кожѣ, отороченныя черною съ густой просѣдью бороδοю; черная круглая шапка, съ кудрявымъ околышемъ изъ черныхъ же мерлушекъ, покрывала голову; изъ-подъ чернаго суконнаго чепана видѣлся красный бухарскій халатъ, перетяну-

тый вдвое кожанымъ ремнемъ, съ посеребренными бляхами. Послѣ первыхъ привѣтствій отрекомендовалъ онъ намъ двоихъ сыновей своихъ, одѣтыхъ, какъ и всѣ Киргизы, въ бухарскіе халаты: на головѣ старшаго была бѣлая шляпа (по-Киргизски — колпакъ), на младшемъ — алая бархатная шапка съ широкою лисьей опушкой. Затѣмъ мы вошли въ кибитку.

Внутренность этой послѣдней была совершенно сходна со всѣми Киргизскими кибитками, только кошмы, ее покрывавшія, были бѣлы и новы. Деревянная основа, то-есть рѣшетка, дуги и кругъ, окрашены были свѣжимъ алымъ цвѣтомъ, а ленты, которыми поддерживались кошмы, были испещрены разноцвѣтнымъ сукномъ, весьма искусно нашитымъ. Диаметръ кибитки былъ довольно значителенъ — около трехъ сажень. Сверху отъ «чигарака» (деревяннаго круга кибитки) спускалась полукругомъ широкая тесьма, къ которой подвязаны были горла трехъ огромныхъ кожаныхъ мѣшковъ, называющихся у Киргизовъ «турсуками», полныхъ кумыса; изъ cadaго мѣшка выставлялась рѣзная ручка-болтушка, которою три Киргиза, безъ остановки почти, взбалтывали кумысъ. Около этихъ турсуковъ стояла огромная деревянная чаша, а возлѣ нее другія, изъ бѣлой глины, маленькія — словно дѣти; мать была полна кумыса, безпрестанно приводимаго въ движеніе деревяннымъ новшемъ въ неутомимой рукѣ подлѣ сидѣвша-

го Киргиза. Этотъ ковшъ невольно привлекалъ къ себѣ вниманіе каждаго гостя — такъ красиво и изящно онъ былъ сдѣланъ: его неглубокой, но красивый корпусъ, внутри ровный и гладкій, былъ покрытъ снаружи мелкимъ рѣзнымъ узоромъ, обведеннымъ, по краямъ ковша, прихотливымъ рѣзнымъ же бордюромъ; стройная ручка украшалась на концѣ дивною сквозною рѣзбою. Но наше вниманіе къ этой красивой вещи перешло въ удивленіе, когда хозяинъ сообщилъ намъ, что кусокъ дерева, которымъ мы такъ любовались, обдѣланъ простымъ Киргизомъ, при помощи обыкновеннаго ножа, безъ всякаго содѣйствія токарнаго станка и другихъ хитрыхъ инструментовъ.

Всѣ мѣшки и чашки стояли на кошмѣ, которою покрыта была земля, составлявшая дно кибитки. Прямо противу дверей расположены были полукругомъ подушки, перины, одѣяла свернутыя въ нѣсколько разъ, и вся эта смѣсь прикрывалась коврами. На этомъ небольшомъ возвышеніи расположилось чело-вѣкъ двѣнадцать гостей, состоящихъ на половину изъ Русскихъ чиновниковъ; первое мѣсто, то-есть середина полукруга, было занято однимъ изъ Султановъ наибольше уважаемыхъ и Киргизами и Русскими, и котораго экипажъ такъ недавно развлекалъ насъ въ дорогѣ. На этотъ разъ Султанъ былъ одѣтъ въ бѣлую, довольно длинную, коленкоровую сорочку, съ длинными и широкими рукавами,

Сверхъ сорочки рѣзко обрисовывалъ здоровое сложеніе тѣла: узорный атласный бешметъ (кафтанчикъ), длиною по колѣна, съ короткими по локоть рукавами. Бешметъ прикрывался шелковымъ полосатымъ халатомъ, который, впрочемъ, скоро былъ снятъ Султаномъ. На головѣ, вмѣсто тюбетейки, была остроконечная бархатная, шитая золотомъ и серебромъ, шапочка, отороченная бобровымъ мѣхомъ; а на ней синяя бархатная же шапка съ широкимъ соболинымъ околышемъ.

У дверей стояла и сидѣла прислуга; влѣвъ отъ входа кипѣлъ самоваръ и заваривался чай. Хозяинъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, передалъ свою обязанность одному изъ родственниковъ, и удалился въ другія кибитки, подобно нашей наполненной гостями. Лицо, любезности котораго предоставилъ насъ Старшина, одѣто было гораздо проще богатаго своего родственника: весь костюмъ состоялъ изъ большой шапки, сшитой изъ черныхъ мерлушекъ и бухарскаго простаго халата, перепоясаннаго длиннымъ ремнемъ, на лѣвой сторонѣ котораго висѣла кожаная маленькая сумочка, а изъ-подъ нее виднѣлся, въ кожаныхъ же ножнахъ, обыкновенный киргизскій ножикъ; выставившаяся мѣстами, изъ-подъ халата, холщевая сорочка, явно уличала хозяина въ крайней неопрятности. Этотъ Киргизъ вовсе не зналъ Русскаго языка, и только изрѣдка говорилъ съ нами чрезъ переводчика; большая-же часть его разговоръ

относилась къ прислугѣ, которой раздавалъ онъ различныя приказанія; изъ нихъ, первые видимо касались кумыса: по-крайней-мѣрѣ Киргизъ, до-сихъ-поръ мѣшавшій этотъ напитокъ въ деревянной чашкѣ, прекратилъ свою работу и, обтеревъ полою халата маленькія чаши, началъ разливать въ нихъ кумысъ. Глиняныхъ чашъ было не болѣе шести, и каждая вмѣщала въ себѣ не менѣе пяти стакановъ; когда всѣ онѣ были наполнены, то, по приказанію распорядителя, два Киргиза, стоявшіе до-тѣхъ-поръ безъ дѣла у дверей кибитки, начали разносить ихъ гостямъ, строго разбирая старшинство ихъ. Султанъ и другіе гости-Мусульмане выпивали свои чаши до дна; и, чтобы облегчить этотъ трудъ, раздѣляли его на нѣсколько пріемовъ, проводя антракты рѣдко въ разговорахъ, чаще же въ дутьѣ на поверхность остающагося въ чашкѣ кумыса, вѣроятно съ цѣлю, какъ технически выражается это въ языкѣ нашемъ — «перевести духъ». Когда чаши дѣлались пусты, то прислуживавшіе Киргизы, съ вниманіемъ слѣдившіе за этой статьей, тотчасъ отбирали ихъ и, наполнивъ снова кумысомъ, разносили остальнымъ гостямъ, не имѣвшимъ чести попасть въ число лицъ первой важности. Къ концу этого угощенія большая чаша съ кумысомъ совершенно опустѣла; но, по приказанію суб-хозяина, одинъ изъ трехъ Киргизовъ, стоявшихъ при турсука, развязалъ горло своего мѣшка и наполнилъ чашу, кото-

рая затѣмъ снова поступила въ распоряженіе разливавшаго Киргиза. Часы показывали уже половину втораго, когда угощеніе кумысомъ было кончено; несмотря на это почти обѣденное время, началось второе угощеніе — чаемъ. Въ отношеніи чая Киргизы весьма сходны съ нашими прикащиками и даже самымъ купечествомъ стараго покроя: они также почитаютъ чай напиткомъ равно пріятнымъ и среди жестокаго мороза и въ удушливый жаръ; также пьютъ его, если только позволяютъ средства, не разбирая времени и мѣста, передъ всѣмъ и послѣ всего. У нихъ также небольшая щепоть заваривается въ огромномъ количествѣ воды, и потомъ около получаса чай «прѣтѣ» на канфоркѣ самовара, пока не сдѣлается довольно густымъ и темнобурымъ; тогда только разливаютъ его, по-немногу, въ небольшія чашки, разводятъ тройнымъ количествомъ воды, и пьютъ, въ потѣ лица, съ истиннымъ наслажденіемъ. Что касается до сахара, то по дороговизнѣ и трудности въ пріобрѣтеніи, онъ весьма высоко цѣнится Киргизами, почему и колется на миниатюрные кусочки, съ которыми пьютъ они чай менѣе нежели «въ прикуску» — только прикладывая сладкое вещество къ мокрому и разгоряченному чаемъ языку*.

* Это не относится къ высшему классу Киргизовъ, какъ, на-примѣръ: Султанамъ, Совѣтникамъ и богатымъ Старшинамъ, имѣющимъ все средства жить роскошно.

Точно также и на ту Старшины Акъ-Булата, въ бѣломъ съ розовыми цвѣтами чайникѣ, чай болѣе получаса кипѣлъ на самоварѣ, и только по окончаніи угощенія кумысомъ, самъ родственникъ Старшины началъ разливать его въ маленькія фарфоровыя чашки, весьма стараго фасона и невысокой работы. Число этѣхъ чашекъ далеко не соотвѣтствовало числу гостей; оно не превышало четырехъ. Чай наливался, по обыкновенію, весьма жидкимъ; потѣмъ ставился на старинный подносъ, на которомъ когда-то была и позолота, и полуобнаженная дѣва въ серединѣ, и купидонъ съ натянутымъ лукомъ: теперь ото всего оставались только слабые слѣды, но зато ржавчина и нечистота вывели новые, болѣе крѣпкіе узоры. Къ двумъ изъ чашекъ положены были двѣ мѣдныя чайныя ложечки, погнутая форма которыхъ, тусклый видъ, черныя и зеленныя пятна, убѣждали также въ давнишнемъ и неопрятномъ ихъ употребленіи; къ остальнымъ двумъ чашкамъ, за неимѣніемъ ложекъ, были положены свѣже-сдѣланныя изъ дерева лопаточки. Сверхъ всего этого, на подносѣ стояли еще небольшое блюдечко съ мелко-наколотымъ сахаромъ и большая чашка полная каймака. Каймакомъ, лучшимъ изъ макомствъ Киргиза, называются варенныя сливки, которыя отъ продолжительнаго кипѣнія сдѣлались весьма густыми, почти маслообразными, перемѣшанными со множествомъ пѣнокъ, образовавшихся при вареніи; этого рода сливки

весьма вкусны, но столь жирны, что ихъ пріятнѣе употреблять какъ отдѣльное блюдо, а не приправой къ чаю. Одинъ изъ Киргизовъ, угощавшихъ кумысомъ, началъ разносить чай, какъ и прежде, строго разбирая старшинство гостей.

Для насъ Русскихъ, привыкшихъ къ ароматному чаю, это второе угощеніе не могло понравиться: оно было даже непріятно, по длиннымъ антрактамъ между двумя чашками (за недостаткомъ чайной посуды каждый гость долженъ былъ пережидать трехъ другихъ гостей) и по неопрятности, съ какою Киргизы и сами пьютъ и другихъ угощаютъ чаемъ. Обыкновеніе вымывать чашку послѣ каждого раза, у нихъ вовсе неизвѣстно: принявъ чашку отъ гостя, Киргизъ передавалъ ее къ самовару, гдѣ, безъ обмывки, она снова наполнялась чаемъ, и потомъ подавалась слѣдующему по-очереди гостю; само-собою разумѣется, что послѣ каждого наливанія нечистота чая болѣе-и-болѣе увеличивалась. Не знаю каковъ былъ первый чай; но въ поданной мнѣ чашкѣ находилась уже какая-то мутная жидкость: чайная трава лежала слоемъ на днѣ, крупныя капли жира плавали по поверхности. Чтобы сколько-нибудь, не обижая угощавшаго родственника Старшины отказомъ, поправить эти недостатки, я возможно-болѣе прибавилъ каймака и положилъ сахару: но въ ту же минуту невольно вздрогнулъ отъ громогласнаго возгласа: «бой! бой!», вырвавшагося изъ устъ

подававшего мнѣ чай Киргиза; этотъ возгласъ, какъ объяснили мнѣ въ-послѣдствіи, былъ признакомъ высшаго удивленія къ все неизвѣстной Киргизамъ роскоши пить чай сладкій. Не желая вторично испытать противность киргизскаго чая, выпивъ чашку, я положилъ въ нее деревянную лопаточку, замѣнявшую ложку, и передалъ подошедшему Киргизу; но каково-же было мое удивленіе, когда вскорѣ передо мною снова явился чай съ прежними его достоинствами! За этой второй чашкой я узналъ о принятомъ Киргизами русскомъ обычаѣ сообщать о нежеланіи пить болѣе, переворачивая чашку вверхъ дномъ: это послѣднее обыкновеніе могло-бы быть весьма полезно при неопрятности Киргизовъ; но къ-сожалѣнію, какъ я замѣтилъ, они все, стекшее изъ чашки на блюдечко, сливаютъ обратно въ чашку.

По окончаніи угощенія чаемъ долго слышалось еще шипѣніе самовара: воду его допивала прислуга; и только тогда уже, когда онъ опустѣлъ совершенно, его, равно-какъ и весь приборъ чайный, вынесли изъ кибитки.

Былъ уже третій часъ, когда вошелъ самъ хозяинъ-Старшина, и спросивъ о позволеніи начать обѣдъ, роздалъ приказанія по этому предмету прислугѣ, и вмѣстѣ съ нею вышелъ изъ кибитки. Минутъ черезъ пятнадцать, трое изъ прислуживавшихъ Киргизовъ воротились обратно, неся въ рукахъ длинный, сажени въ три, кусокъ розоваго ситца. Этотъ весьма деше-

ваго сорта, но совершенно новый ситецъ, былъ разостланъ полукругомъ у ногъ гостей, и вѣроятно соотвѣтствовалъ нашимъ скатертямъ. Затѣмъ вошли еще три батыря*: одинъ изъ нихъ имѣлъ въ рукахъ мѣдный, вылуженный внутри и снаружи, кувшинъ, наполненный водою; другой довольно большой тазъ изъ желтой мѣди; третій, наконецъ, бѣлое, хотя и не слишкомъ тонкое полотенце. Всѣ трое подошли къ Султану, съ котораго и началось омовеніе, всегда предшествующее у Киргизовъ обѣду. Это омовеніе заключается въ слѣдующемъ: смочивъ, а не вымывъ, водою руки, Киргизъ проводитъ мокрою ладонью по лицу, начиная отъ глазъ до бороды; потѣмъ, посредствомъ ладони же, беретъ воду въ ротъ и тщательно выполаскиваетъ его; затѣмъ, при второмъ приѣмѣ воды онъ чиститъ съ большимъ искусствомъ зубы (говорю «съ большимъ искусствомъ», отнюдь не преувеличивая: въ теченіе двухъ или трехъ секундъ Киргизъ успѣетъ провести попеременно раза три указательнымъ пальцемъ по лѣвому ряду зубовъ, а большимъ по правому, и все это дѣлается не отнимая руки и даже держа во рту пальцы); за ртомъ слѣдуетъ промываніе носа: въ обѣ ноздри раза два втягиваютъ изъ широкой ладони воду; и наконецъ омовеніе кончается тщательнымъ вытираньемъ. Точно такъ, безъ ма-

* Человѣкъ прислуживающій, изъ вѣжливости, называется у Киргизовъ «батыремъ», то-есть молодцемъ.

лѣйшаго измѣненія, умывается и богатый и бѣдный, и господинъ и слуга. Не трудно замѣтить, что въ этомъ умываніи все вниманіе обращено исключительно почти на ротъ и носъ, безъ сомнѣнія съ тою цѣлью, чтобы эти органы могли лучше ощущать вкусъ и запахъ пищи.

Минуть черезъ пять по окончаніи описаннаго обряда, вошли въ кибитку шестеро Киргизовъ, неся каждый по большой деревянной чашѣ, не болѣе впрочемъ полуаршина въ діаметрѣ, выкрашенной темнокраснымъ цвѣтомъ: между этими чашами только одна, несенная впереди, по свѣжей краскѣ казалась еще новою; всѣ другія были сильно потерты и видимо давно уже въ употребленіи. Новая чаша была поставлена передъ Султаномъ — старшимъ лицомъ въ кибиткѣ; что касается другихъ гостей, то чаша оставилась уже по одной для двухъ и даже трехъ персонъ.

Эти чаши доверху наполнены были мясомъ, и, при взглядѣ въ ихъ внутренность, взору представлялся совершенный хаосъ: въ одномъ мѣстѣ виднѣлся жиръ бѣлый какъ сало, изъ другаго торчала кость, тутъ лежали внутренности, тамъ чистое мясо. Такому хаосу наружнаго вида соответствовало и разнообразіе внутренняго состава: въ-самомъ-дѣлѣ, въ этихъ чашахъ было мясо козы, барана, коровы и лошади, разрѣзанное на весьма крупные куски отъ трехъ до шести фунтовъ вѣсомъ. Намъ Русскимъ, вмѣстѣ съ чашами, были поданы обыкновенные киргизскіе ножи; гости-

Киргизы этой привилегіи не имѣли: они вынимали свой ножъ, носимый всегда при поясѣ, обтирали полою халата и начинали разрѣзывать мясо. Я остановлюсь нѣсколько на Киргизскомъ ножѣ, вполне достойномъ вниманія. Ножъ этотъ имѣетъ форму и величину всегда почти одинаковую, вѣроятно отъ того, что готовится туземными слесарными мастерами, число которыхъ въ Ордѣ весьма незначительно; его выгнутое лезвие, сдѣланное изъ прекраснаго желѣза, не длиннѣе двухъ вершковъ, и вставлено въ двухъ-вершковую же, круглую, деревянную, а иногда и костяную ручку; въ обоихъ случаяхъ, впрочемъ, она постоянно окрашена чернымъ цвѣтомъ. Несмотря на эту миниатюрность размѣровъ, описанный ножъ, называемый Киргизами «пшакъ», составляетъ у нихъ самую употребительную вещь. Покоясь въ кожаныхъ ножнахъ, изъ которыхъ виднѣется только верхушка ручки, онъ подвѣшенъ къ ременному поясу и служитъ своему хозяину безотлучнымъ товарищемъ; съ нимъ гарцуетъ Киргизъ на конѣ, съ нимъ качается на верблюдѣ, съ нимъ ѣстъ и пьетъ, съ нимъ въ работѣ и бездѣйствіи. И притомъ сколько различныхъ примѣненій имѣетъ пшакъ: онъ замѣняетъ Киргизу все наши ножи, ножики и ножички; имъ разрѣзываетъ онъ мясо и вскрываетъ кости, чтобъ достать изъ нихъ мозгъ; имъ закалываетъ барана, корову, лошадь, верблюда; его же, наконецъ, употребляетъ какъ инструментъ хи-

рургическій, вскрывая нарывы, пуская кровь, и часто совершая операціи болѣе серьезныя. Въ искусной рукѣ и шпатель замѣняетъ ножъ сапожника, ножницы портнаго, рѣзецъ рѣщика и затѣйливый станокъ токаря.

Вилки при чашкахъ не было: о подобныхъ хитростяхъ Киргизы вовсе понятія не имѣютъ; пять пальцевъ руки вполне замѣняютъ имъ этотъ европейскій инструментъ. Хлѣба, почти неупотребляемаго въ Ордѣ, также не доставало; не говорю уже о другихъ принадлежностяхъ обѣда, на-примѣръ объ укусахъ, перцахъ, горчицѣ: онѣ незнакомы даже воображенію Киргиза. Соль, поданная на грязномъ лоскуткѣ бумаги, состояла изъ довольно крупныхъ кусковъ, что дѣлало ее для насъ, гостей-Русскихъ, вовсе неудобною къ употребленію; что-же касается до гостей-Киргизовъ, то желая почувствовать соленый вкусъ, они «лизали» (извините за выраженіе) куски соли и потомъ клали ихъ обратно на бумажку! Салфетокъ, столь необходимыхъ въ обѣдѣ, гдѣ пальцы служатъ вмѣсто вилокъ, не было; ихъ замѣняетъ въ быту Киргиза растяжимый у ногъ ситецъ. Питіе заключалось, по-прежнему, въ кумысъ.

Первое мѣсто въ чашахъ, по количеству, занимало лошадиное мясо, которое легко отличалось отъ другихъ темнымъ красно-бурымъ цвѣтомъ и толстымъ слоемъ желтаго жира. Давно уже горя желаніемъ испытать вкусъ этого мяса, я пытался воспользоваться настоящимъ слу-

чаемъ: но несмотря на все усердіе зубовъ, долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія; могу сообщить только, что мясо двадцатилѣтней кобылицы, которымъ угощали на описываемомъ туѣ, совершенно негодно для пищи, по тремъ причинамъ: мышечныя волокна его такъ жестки и тверды, что зубы не въ состояніи размельчить самыхъ малыхъ кусковъ; вкусъ мяса особенный — противный, запахъ — несносный — лошадинымъ потомъ. Несмотря на эти недостатки, мясо лошади, какъ-бы старо оно ни было, составляетъ любимое блюдо Киргиза: его зубы, привыкшіе разгрызать самыя кости, не находятъ его жесткимъ; запахъ пота кажется ему пріятнымъ, а противный вкусъ — обыкновеннымъ. Лошадь даже предпочитается у нихъ другимъ домашнимъ животнымъ и закаливается только по Пятницамъ, соотвѣтствующимъ, какъ говорятъ, нашимъ Воскресеньямъ. Впрочемъ, я имѣлъ случай, въ послѣдствіи, пробовать мясо жеребенка, и нашелъ его стольже вкуснымъ и нѣжнымъ, какъ и филей телятины; но это блюдо весьма рѣдко случается въ обѣдъ Киргиза: жеребята и молодые лошади, составляя главный источникъ его богатства, весьма рѣдко закалываются; этой участи подвергаются только лошади старыя или страдающія какой-нибудь неизлечимой болѣзнію. Что касается другихъ сортовъ мяса, бывшихъ въ чашахъ, то всѣ они своею жесткостію явно указывали на дурной выборъ и неумѣнье готовить пищу.

Въ концѣ этого перваго блюда я имѣлъ случай замѣтить слѣдующій весьма любопытный обычай. Когда Киргизъ сытъ, или, лучше, когда онъ не можетъ уже болѣе ѣсть, а между тѣмъ въ чашкѣ еще осталось что-нибудь, тогда начинаетъ онъ этимъ остаткомъ подчивать другихъ и всегда младшихъ, рѣдко равныхъ, старшихъ никогда. Это угощеніе производится такъ. Набравъ въ руку различныхъ остатковъ мяса, подчующій вызываетъ кого-нибудь по-имени; вызванный, сложивъ на груди крестомъ руки, подходитъ съ смиреннымъ видомъ, наклоняется и возможно-болѣе открываетъ ротъ, въ который угощающій и вкладываетъ приготовленную пищу. Ежели отверстіе рта не велико, а вкладываемый кусокъ великъ (что весьма часто случается), то вызвавшій Киргизъ одной рукой беретъ вызваннаго за затылокъ, а другою втискиваетъ, если можно такъ выразиться, пищу; съ набитымъ ртомъ угощенный дѣлаетъ благодарственный поклонъ и возвращается на свое мѣсто. Какъ бы ни было неудобно съѣсть вложенную пищу, она не должна быть вынимаема: въ противномъ случаѣ угощенный обижаетъ угощавшаго. Такой способъ угощать — самый обыкновенный между Киргизами, и выражаетъ расположеніе одного къ другому, или, что еще чаще, старшаго къ младшему. Точно такъна туѣ Акъ-улата подчивалъ и Султанъ Бнаходившихся въ кибиткѣ Киргизовъ, а замѣтивъ, что я и товарищъ мой съ большимъ любопытствомъ смо-

тримъ на этотъ обычай, онъ удостоилъ и насъ изъясненіемъ своего расположенія . . . Я былъ счастливъ: на мою долю достался жиръ, который съѣлъ я конечно безъ аппетита, но зато скоро. Не то было съ моимъ спутникомъ; когда я спросилъ его, отъ чего онъ такъ долго кушаетъ, то получилъ въ отвѣтъ только взмахъ рукой и мотаніе головой, означавшіе, что ротъ его полонъ и что ему не до рѣчей. Послѣ разсказалъ онъ мнѣ, что щедрая рука Султана поощряла его твердымъ мясомъ лошади.

Первое блюдо продолжалось сорокъ пять минутъ, и въ это короткое время во всемъ аулѣ было скушано четыре лошади, одна корова, четыре большихъ барана и одна коза; полагая среднимъ числомъ въ лошадей и коровъ по осьми пудъ, а въ козъ и баранъ по два пуда, получится пятьдесятъ пудъ мяса, потребленнаго въ-теченіе получаса. Жаль, что число всѣхъ гостей опредѣлить было трудно: значительное число ихъ находилось подъ открытымъ небомъ, и неболѣе ста-сорока человѣкъ помѣщались въ кибиткахъ и, подобно намъ, пользовались всѣми удобствами обѣда.

По окончаніи перваго блюда пустыя чаши были вынесены; но скоро въ кибитку вошли снова шесть батырей, неся шесть такихъ же какъ и прежде чашъ, полныхъ на этотъ разъ плова. Пловъ, любимое кушанье Киргиза, готовится изъ сарацинскаго пшена, которое развариваютъ сначала въ водѣ, а потомъ, сливъ воду, обливаютъ растопленнымъ барань-

имъ саломъ и хорошо перемѣшиваютъ. Это блюдо, лакомое у простыхъ Киргизовъ, весьма обыкновенно въ обѣдѣ Султановъ, и тамъ, по чистотѣ пшена, по лучшему его сорту, по множеству изюма, съ которымъ оно перемѣшано, пловъ можетъ понравиться самому разборчивому вкусу; но на туѣ Акъ-Булата пловъ далеко не имѣлъ описанныхъ достоинствъ: пшено было не промыто, безъ изюма, и залито саломъ горьковатымъ; впрочемъ, несмотря на эти недостатки, послѣ жесткаго мяса, это кушанье показалось намъ очень вкуснымъ. Чаши приѣтомъ были также разставлены какъ и прежде: при нихъ недоставало только ложекъ, которыя до-сихъ-поръ еще вовсе почти не введены Киргизами въ употребленіе и легко замѣняются ладонью правой руки. По окончаніи этого втораго и послѣдняго блюда, руки гостей и нижняя часть лица были покрыты слоемъ сала, у инныхъ столь обильнымъ, что жиръ струями стекалъ со рта на бороду, а отсюда каналъ обратно въ чашу. Въ этомъ непріятномъ положеніи каждый гость съ нетерпѣніемъ ожидалъ послѣобѣденнаго умыванья, которое совершалось точно также какъ и предъ обѣдомъ, но съ тою разницею, что теперь обращалось главное вниманіе на лице и руки. Обѣдъ кончился краткою магометанскою молитвою, за которою слѣдовало вторичное угощеніе кумысомъ. Выпивши по чашкѣ этого напитка, многіе гости прилегли отдохнуть или, правильнѣе говоря,

соснуть, другіе завели разговоръ, третьи, къ числу которыхъ принадлежалъ и я, предпочли сну и разговору прогулку по аулу. Ауль состоялъ изъ пятнадцати кибитокъ, которыя разставлены были видимо безъ всякаго порядка, такъ-что между иными разстояніе не превышало четырехъ сажень, тогда-какъ между другими достигало двадцати и болѣе. Величій кибитокъ также была различна; иныя изъ нихъ покрывались бѣлыми и новыми кошами, другія сѣрыми и сильно поношенными; что касается до внутренняго убранства, то оно было совершенно такое же, какъ и въ занимаемой нами кибиткѣ. Двѣнадцать кибитокъ были наполнены гостями, и все мужескаго пола: только около одной толпились женщины. Впрочемъ, не всѣ гости помѣщались въ кибиткахъ: ихъ было очень много, а потому большая-часть сидѣла подъ открытымъ небомъ, иныя ходили, другіе были на коняхъ; между послѣдними замѣтилъ я довольно много дѣтей. Пріятно видѣть ребенка въ сѣдлѣ, смѣло управляющаго лошадыю; въ-особенности заинтересовало насъ дитя, не болѣе трехъ лѣтъ, въ одной рукѣ державшее поводъ, а въ другой нагайку, которая едва-ли не была выше его самого. Впрочемъ, для дѣтей такого возраста Киргизы дѣлаютъ особенное сѣдло; оно отличается отъ обыкновеннаго тѣмъ, что каждая лука составлена изъ двухъ дощечекъ, сложенныхъ крестъ-накрестъ и почти всегда выкрашенныхъ алою краскою:

въ верхнихъ концахъ дощечекъ провернуты дыры, сквозь которыя продѣвается ремень, соединяющій переднюю и заднюю луки между собою; здѣсь дитя сидитъ какъ-бы въ клѣткѣ и упасть не можетъ. Въ такихъ-то сѣдлахъ Киргизы начинаютъ учить верховой ѣздѣ дѣтей своихъ; и въ шесть, восемь, много десять лѣтъ — Киргизскій мальчикъ уже лихой наѣздникъ.

Тринадцатая кибитка была занята семействомъ хозяина; четырнадцатая составляла буфетъ, или, другими словами, въ ней заключался запасный кумысъ; наконецъ пятнадцатая находилась при кухнѣ, самая-же кухня помещалась возлѣ этой кибитки на открытомъ воздухѣ. Киргизская кухня чрезвычайно проста; въ ней нѣтъ ни печей, ни кострюль, ни другихъ прихотливыхъ снарядовъ: все состоитъ изъ ямы и чугунаго котла, да порой еще встрѣтите круглый желѣзный таганъ. Такъ и на туѣ Акъ-Булата были вырыты рядомъ десять продолговатыхъ, четырехугольных ямъ, съ откосомъ у той стороны, откуда дулъ вѣтеръ; въ нихъ еще тлѣлся кизикъ, и пустые котлы не были сняты.

Мы возвращались уже обратно, когда подвели къ намъ осѣдланныхъ коней, и одинъ изъ сыновей Акъ-булата пригласилъ насъ на скачку. Въ полу-верстѣ отъ аула былъ назначенъ кругъ, котораго окружность, по увѣренію Старшины, равнялась пяти верстамъ, но въ самомъ дѣлѣ едва-ли превышала четыре съ половиною; каждая верста была означена маякомъ,

то-есть длиннымъ шестомъ съ кускомъ кошмы на вершинѣ; въ срединѣ между этими маяками стояло по Киргизу, держащему за поводъ осѣдланную лошадь. Четыре такихъ круга, то-есть осѣдланная верста, составляли полный курсъ скачки. Мы подъѣхали къ урочному маяку. Народу было очень много, не менѣе трехъ-сотъ человекъ, и всѣ верхами; впереди этой густой массы находилась вся Киргизская аристократія, на красивыхъ коняхъ въ богатыхъ сѣдлахъ, въ пышныхъ костюмахъ. Скаковые лошади были выстроены въ ровный рядъ; ихъ было тринадцать: на каждой, въ обыкновенномъ Киргизскомъ сѣдлѣ, сидѣлъ мальчикъ, лѣтъ отъ десяти до двѣнадцати, легко одѣтый; лѣвая рука, вмѣстѣ съ поводомъ, держала красный платокъ, которымъ онъ, въ случаѣ надобности, могъ-бы пугать лошадь и ускорять ея бѣгъ, а правая была вооружена нагайкой.

Одинъ изъ гостей - Киргизовъ, принимавшій живое участіе въ скачкѣ, взялъ на себя роль распорядителя и выѣхалъ впередъ: за крикомъ его «джорз!» (ступай!), скачка началась оглушительнымъ воплемъ сѣдоковъ, владѣльцевъ лошадей или ихъ конюховъ, которые, стоя за скакунами, съ поднятыми нагайками, ждали только сигнала, чтобы ударить ихъ; нѣкоторые-же бывъ верхами провожали своихъ лошадей почти до перваго маяка, усердно награждая ихъ ударами. Впрочемъ, лошадь во все время скачки постоянно слышитъ

свистъ нагайки, а иногда и удары, сопровождаемые пронзительнымъ крикомъ. Сначала скачка шла довольно ровно; но у третьяго маяка лошади начали размѣщаться въ длинную цѣпь, оставляя одна другую далеко за собою. Чрезъ пять минутъ первый кругъ былъ конченъ, и когда каждая лошадь приближалась къ урочному маяку, къ ней выбѣгалъ ея хозяинъ или конюхъ, осыпалъ бѣдное животное, для поощренія, нагайками, и давалъ наскоро совѣты ѣздоку, а ежели не былъ имъ доволенъ, то угощалъ и его однимъ или двумя ударами: само-собою разумѣется, что оба эти дѣла исправлялъ онъ на самомъ бойкомъ человѣческомъ бѣгу. Во второмъ кругѣ, продолжавшемся также ровно пять минутъ, лошади раздѣлились рѣзко на двѣ группы: пять лошадей были далеко впереди остальныхъ и оспаривали первое мѣсто, то отставая, то перегоняя другъ друга; остальные восемь составляли другую группу, почти на полкруга отставшую отъ первой. При началѣ третьяго, а потомъ и четвертаго круга, повторялись прежнія сцены, съ тою разницею, что нѣкоторые, довольные скачкой, ласковымъ словомъ ободряли скакавшаго сѣдока, другіе, потерявшіе надежду на успѣхъ, останавливали своихъ коней, а третьи, подходившіе съ послѣдними подъ одну категорію, но увлекаемые понятнымъ для охотниковъ чувствомъ досады, бросались на первую свободную лошадь и, съ бранью и ударами, далеко провожали своего скакуна, не

смотря на крики неудовольствія другихъ гостей; многіе вырывали у сѣдоковъ красныя платки и сами пугали ими лошадей; но все эти средства мало приносили пользы: случалось даже, что испуганная лошадь бросалась въ сторону, выскакивала изъ черты круга и еще болѣе отставала отъ другихъ скакуновъ. Третій и четвертый кругъ, подобно двумъ первымъ, былъ выскаканъ передними лошадьми каждый въ пять же минутъ. Эта ровность скачки дѣлаетъ честь Киргизскимъ лошадямъ. Многіе увѣряли даже, что онѣ съ равною скоростію могутъ пройти еще два или три круга. Не ручаясь за достовѣрность этихъ увѣреній, могу сказать только, что мнѣ не разъ случалось видѣть, какъ Киргизъ, ловя изъ косяка лошадь, иногда около часу скачетъ за нею по пространной степи.

Первая выскакавшая лошадь принадлежала Султану Менде-Гирею, брату покойнаго Хана Джангера: это былъ статный сивый жеребецъ, бывшій четвертымъ въ первомъ кругѣ, третьимъ во второмъ, и вторымъ въ третьемъ. Вторая выскакавшая лошадь былъ бурый жеребецъ, бывшій первымъ въ третьемъ и второмъ кругѣ и третьимъ въ третьемъ. Третья выскакавшая лошадь была бурая кобыла, бывшая во время скачки второю въ первомъ и во второмъ кругѣ, а въ третьемъ первою. Четвертый выскакала третья лошадь перваго круга. Этѣмъ четы-

ремъ лошадямъ хозяиномъ туя были назначены призы, изъ которыхъ первый заключался въ косякъ лошадей, то-есть въ девяти кобылахъ и одномъ жеребцѣ, второй — въ верблюды, третій — въ трехъ баранахъ и, наконецъ, четвертый — въ бухарскомъ халатѣ.

Въ быту Киргизовъ есть весьма странный и замѣчательный обычай: выигранную вещь подносить въ подарокъ лицу старшему, къ которому выигравшій чувствуетъ уваженіе, которому онъ обязанъ чѣмъ-нибудь, или въ помощи котораго имѣетъ нужду. Такъ и на туѣ Акъ-Булата первый призъ былъ подаренъ Султаномъ Менде-Гиреемъ дядѣ его Султану Чукъ. Третій призъ, выигранный простымъ Киргизомъ, былъ также подаренъ одному изъ Султановъ, а имъ отданъ владѣльцу послѣдней выскакавшей лошади. Четвертый, выигранный также простымъ Киргизомъ, былъ поднесенъ въ подарокъ Девлетъ-Гирею (одному изъ сыновей покойнаго Джангера), а онъ отдалъ его одному изъ своихъ слугъ. Что касается до втораго приза, то-есть верблюда, то онъ достался весьма бѣдному Киргизу, который, несмотря на обычай страны, разсудилъ за лучшее уѣхать съ туя на своемъ выигрышѣ, пока раздарились призы и вниманіе гостей было обращено на этотъ предметъ; впрочемъ, бѣгство его было скоро замѣчено, когда Султаны пожелали поздравить Киргиза, получившаго второй призъ и посмотреть его выигрышъ. Это обетоятельство было поводомъ

къ длиннымъ пересудамъ, и вся масса гостей съ шумнымъ разговоромъ возвратилась въ аулъ.

Такъ кончилась скачка, далекая отъ той правильности, какою отличаются скачки другихъ мѣстъ Россіи, но зато богатая смѣшными сценами и поводами къ ссорѣ. Нельзя не пожалѣть, что до-сихъ-поръ не учреждено регулярныхъ конскихъ скачекъ среди народа всю жизнь проводящаго на конѣ, все богатство считающаго въ лошади, снабжающаго огромнымъ числомъ этихъ животныхъ окрестныя губерніи и наконецъ до обожанія любящаго конскія скачки. Впрочемъ, покойный Ханъ Букѣвской-Орды Джангеръ, какъ сказывали мнѣ, предполагалъ учредить большую правильную скачку при весенней ярманкѣ въ своей ставкѣ: было уже отведено мѣсто, приготовлены призы, составлены правила скачки; но преждевременная смерть Джангера разстроила этотъ прекрасный планъ и лишила Киргизовъ выгоды, которую - бы навѣрное принесъ онъ при его осуществленіи.

Возвратившись въ кибитку, мы застали уже кипящій самоваръ, и вскорѣ самъ хозяинъ началъ угощать насъ вечернимъ чаемъ, несколько не отличавшимся отъ утренняго. Послѣ чая гостей пригласили на игры. Возлѣ самаго аула была выбрана большая и ровная площадка: на ней назначили кругъ, по краямъ котораго расположились Киргизы-гости; большая-часть ихъ сидѣла по-азіатски прямо на землѣ, и только немногіе, изъ горѣвшихъ

нетерпѣніемъ начать игры, были на-готовѣ, присѣвши. Почетные гости — какъ на-примѣръ, Султаны, Русскіе чиновники и другіе — стояли небольшой толпой у краю круга, и противъ нихъ былъ выложенъ призъ игры — бухарскій халатъ. Игра состояла въ борьбѣ. На площадку вышли четыре Киргиза и около пяти минутъ совѣщались объ условіяхъ борьбы, послѣ чего раздѣлились на двѣ пары и занялись необходимыми приготовленіями. Двое изъ нихъ остались въ своихъ халатахъ, но ту же подтянули пояса, за которыя подоткнули концы полъ, крѣпче надвинули шапки и схвативъ другъ-друга за кушакъ, начали борьбу мѣрнымъ расхаживаньемъ по площадкѣ. Киргизы другой пары готовились нѣсколько иначе: скинувъ халаты и шапки и заткнувъ длинную сорочку за край шальваръ, они навернули конецъ пояса на кисть лѣвой руки; затѣмъ, обхвативъ другъ-друга, другой конецъ завертывали на правую руку, и тутъ начинали борьбу, подобно первой парѣ, хладнокровною мѣрною ходьбою. Киргизы борются черезъ-чуръ медленно, вяло, далеко хуже Татаръ Казанскихъ; всѣ маневры ихъ въ этой борьбѣ стремятся къ тому, чтобы успѣть поднять товарища на воздухъ, потѣмъ быстрымъ круженіемъ отуманить его голову и, лишивъ такимъ образомъ способности продолжать борьбу, бросить на землю; но въ борьбѣ Киргизовъ нерѣдокъ случай, что кружашій, роняя товарища, увлекается самъ его тяжестью и па-

дая часто первый, дарить такимъ образомъ противнику побѣду. Черезъ полчаса борьбы Киргизы второй пары, не въ силахъ будучи побѣдить другъ-друга, разошлись признавая себя равносильными. Что касается до первой пары, то тамъ, помощію описаннаго выше маневра, одинъ изъ Киргизовъ успѣлъ опрокинуть другаго; но для полученія приза онъ долженъ былъ одержать еще одну побѣду. Соскатель скоро нашелся, и борьба началась снова: противъ ожиданія она скоро кончилась, и притомъ маневромъ тоже совершенно неожиданнымъ: одержавшій уже разъ побѣду Киргизъ, послѣ нѣсколькихъ общихъ пріемовъ, вдругъ упалъ, и такъ быстро и круто, что увлекъ засобою противника, и въ ту минуту, когда тотъ ударился головою въ землю, успѣлъ перекинуть его на спину и занять позицію наверху. Эта вторая удача доставила уже побѣдителю призъ, который, по обычаю Киргизскому, и былъ подаренъ имъ одному изъ старшихъ Русскихъ чиновниковъ. Послѣ того выходило еще нѣсколько паръ борцовъ, но рѣдкимъ изъ нихъ удавалось сбить противника; по большей части они расходились, не побѣдивъ другъ-друга. Мы рассказывали, что и женщины затѣваютъ иногда подобную борьбу: упрятавъ сорочку въ широкія шальвары, онѣ борются съ большимъ энтузіазмомъ, съ особенными женскими манерами, доставляющими много смѣха зрителямъ; къ-сожалѣнію на туф Акъ-Булата не нашлось подобныхъ героинь.

По окончаніи борьбы, гости встали съ своихъ мѣстъ, и рѣшили, по предложенію хозяина, начать другую игру, напоминавшую конскую скачку. Гости расположились стоя въ два длинные ряда, оставивъ между собою широкій, сажени въ три промежутокъ, по срединѣ котораго очистили отъ травы небольшую площадку: положивъ на нее полтинникъ, хозяинъ просилъ молодежь поднять его съ сѣдла, на всемъ скаку лошади. Охотниковъ нашлось человекъ пятнадцать; между ними было много такихъ, которые нагибаясь за монетой, совсѣмъ вылетали изъ сѣделъ; но было человекъ пять столь ловкихъ, что они вовсе почти не дѣлали промаховъ. Обыкновенно, приближаясь къ монетѣ, Киргизъ вдругъ бросается съ сѣдла внизъ, упираясь правою ногой въ стремя, а лѣвой придерживаясь за заднюю луку: лѣвая рука держитъ шею лошади, а иногда и гриву; правая-же, сложенною въ видѣ ложки кистью, бороздитъ землю и вмѣстѣ съ нею захватываетъ и монету, которую выигравшій можетъ оставить у себя, но чаще возвращаетъ обратно хозяину. Я видѣлъ подобную же игру у Калмыковъ, и надо сознаться, что Киргизы далеко уступаютъ имъ въ живости и легкости движеній.

Четвертая и послѣдняя игра состояла въ слѣдующемъ: на туже площадку, на которую клалась монета, былъ поставленъ обыкновенный желѣзный котелъ, въ которомъ Киргизы варятъ себѣ пищу, и налить до двухъ тре-

тей теплою водою, довольно густо смѣшанною съ мукой; хозяинъ ту я бросилъ въ него крупную серебряную монету и пригласилъ охотниковъ достать ее со дна губами. На эту не совсѣмъ пріятную игру, желающихъ нашлось только двое, и притомъ самыхъ бѣдныхъ Киргизовъ, которыхъ гораздо болѣе игры привлекала брошенная монета. Сбросивъ шапку, халатъ и сорочку, каждый изъ нихъ сначала отыскивалъ рукою монету, доставалъ ее и убѣдившись въ ея присутствіи въ котлѣ, а также и въ ея качествахъ, бросалъ обратно, и въ слѣдъ за тѣмъ нырялъ головою въ густую жидкость. По волненію поверхности нетрудно было слѣдить за движеніями головы, которая наконецъ отыскивала монету и сдвигала ее со дна къ бокамъ котла, чтобъ легче схватить губами: но лишь только открывала ротъ, какъ вливающаяся въ него жидкость растрѣивала весь планъ. Съ трудомъ только, послѣ трехъ или четырехъ попытокъ, удавалось наконецъ достать монету, и каждый разъ, когда достающій вынималъ изъ котла свою голову, воздухъ оглашался хохотомъ гостей: такъ смѣшна была физіогномія играющаго, почти вся залѣпленная тѣстомъ. Доставъ монету, Киргизъ спѣшилъ промыть себѣ голову въ одной изъ кибитокъ; но толпа молодежи нарочно задерживала его, чтобы дать время засохнуть тѣсту и потомъ вдоволь насмѣяться еще надъ умываньемъ бѣдняка. Зная по опыту ожидавшую его участь, Киргизъ не сердился на это; на-

противъ шутилъ, пѣлъ, кричалъ по-пѣтушьи, мяукалъ и веселя почтеннѣйшую публику, скорѣе доходилъ къ цѣли.

Уже смеркалось, когда кончились игры, и гости, возвратившись въ свои кибитки, по прежнему нашли въ нихъ кипящій самоваръ. Тутъ въ третій разъ началось угощеніе чаемъ. На этотъ разъ чай показался мнѣ сноснымъ, вѣроятно потому-что оживленъ былъ веселымъ разговоромъ Султана Чуки, хорошо говорившаго по-русски. Изъ этого разговора я узналъ, что послѣдняя игра нынѣ стала весьма рѣдко и что вообще, въ настоящее время, у Киргизъ гораздо менѣе игръ противу прежняго. Такъ, Султанъ рассказывалъ, что во время управленія Ордою Букея, то-есть вскорѣ по выходѣ Киргизовъ изъ-за Урала, любимую игрою ихъ была стрѣльба изъ лука, рѣже — изъ ружья въ цѣль; на туяхъ для этого ставился высокій столбъ или шестъ, съ короткою сверху перекладиною, къ концамъ которой привѣшивались два деревянные кружка, составлявшіе мѣту; лучшіе стрѣлки награждались богатыми призами. Нынѣ, благодаря стараніямъ покойнаго Хана Джангера, эта игра совершенно брошена, даже самое оружіе перевелось у Киргизовъ: такъ, проѣхавъ почти всю Киргизскую Степь, я видѣлъ только три лука, въ томъ числѣ одинъ дѣтскій, девять ружей съ фитилями и не болѣе десяти сабель. Въ-старину, говорилъ Султанъ, и женскій полъ участвовалъ въ играхъ; но тотъ же Джан-

геръ, не любя женскихъ игоръ, вывелъ ихъ изъ употребленія. Въ-особенности Султанъ сожалѣлъ о двухъ играхъ, съ которыми вѣроятно сопряжены были воспоминанія о его молодости: это скачки за дѣвушкой и развязываніе верблюда. Первая игра, по словамъ Султана, состояла въ томъ, что дѣвушка, обыкновенно изъ семейства того лица, которое дѣлаетъ туй, садится на лучшаго скакуна, и подобравъ лѣвой рукой поводъ, а правую вооруживъ толстой нагайкой, пускаетъ коня галопировать по полю; молодежь, которой дорога слава лучшаго ѣздока, а еще дороже призъ игры — поцѣлуй наѣздницы, скачетъ за нею, и только не многимъ удается догнать ее. Но тутъ-то предстоить самое трудное дѣло Киргизу, чтобъ получить призъ и закончить игру: онъ долженъ, догнавъ дѣвушку, съумѣть взять ее за правую грудь; а между тѣмъ наѣздница, благодаря крѣпкому сложенію и толстой нагайкѣ, такъ щедро и безъ разбора мѣста надѣляетъ его ударами, что часто совсѣмъ отнимаетъ охоту доискиваться поцѣлуя. Конечно, бываютъ такіа отчаянныя головы, что несмотря на багровыя и синія пятна, покрывающія ихъ физіогноміи, добиваются завѣтнаго приза: но чаще и легче достается онъ тому, кто болѣе нравится дѣвушкѣ; тутъ и галопъ лошади тише, и удары легче. Иногда въ этой игрѣ дѣвушка беретъ въ руку кусокъ тафты, который и служитъ призомъ Киргизу, успѣвшему его вырвать.

Другая игра, доставлявшая, по словамъ Султана, самыя веселыя и пріятныя минуты натуѣ, принадлежала также женскому полу. Призъ заключался въ верблюдѣ, котораго приводили на мѣсто игры, связывали по ногамъ множествомъ веревокъ, перепутывая ихъ между-собою, дѣлая сотни узловъ, страшивая и запрытывая концы. Дѣвушка или женщина, желающая владѣть верблюдомъ, должна совершенно раздѣться и въ такомъ видѣ развязать его. Въ это время молодежь конфузится ее разными замѣчаніями, позволяетъ себѣ кой-какія вольности... Развязывающая верблюда отшучивается, по-возможности укрывается, и все это производитъ общій смѣхъ, и общее удовольствіе...

Этѣ двѣ игры, какъ сказываютъ, и нынѣ еще существующія въ Киргизской Степи за Ураломъ, у Букѣвскихъ Киргизовъ оставили только одно воспоминаніе. Разбирая причины, почему Джангеръ старался уничтожить этѣ игры, нельзя не приписать ихъ доброму намѣренію смягчить и облагородить народные нравы. Что-же касается до старанія его вывести изъ игръ стрѣльбу, до которой самъ онъ въ молодости былъ страстный охотникъ, то и тутъ видна благонамѣренная цѣль пріучить Киргизовъ къ жизни мирной и заставить позабыть воинственный духъ предковъ, доводившій ихъ часто до ужасныхъ крайностей.

Вечеръ проходилъ въ истребленіи кумыса, который гости-Киргизы пили въ огром-

номъ количествѣ, и уже безъ угощенія. Разговоръ былъ шуменъ и веселъ; по всему аулу слышались хохотъ и пѣсни, а было нѣсколько и такихъ гостей, которые, опьянѣвъ отъ кумыса, дѣлали разныя дурачества и смѣшили общество. Около нашей кибитки нашлось также нѣсколько такихъ примѣровъ: особенно интересны были два забавно пьяныхъ Киргиза, оспоривавшихъ другъ у друга первенство въ глупости; они мяукали, лаяли, подражали пѣтуху, голосу стариковъ и дѣтей, щеголяли другъ передъ другомъ русскою бранью, и въ такихъ-то подвигахъ, за чашкой кумыса, заснули подъ открытымъ небомъ. По усиленной просьбѣ хозяина, мы остались переночевать въ аулѣ, а на другой день рано утромъ отправились въ обратный путь; что касается до другихъ гостей, то многіе разѣхались тотчасъ послѣ игръ, другіе по утру вмѣстѣ съ нами, а были и такіе, которые остались еще на день.

Закончу описаніе Акъ-Булатова туя показаніемъ его издержекъ, въ которомъ всѣ вещи оцѣнены по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ Весенней Киргизской Ярманки того года (1846):

	руб. асс.
первый призъ скачки — косякъ лошадей, состоявшій изъ девяти кобылъ и одного жеребца	500
второй призъ скачки — верблюды	80
третій призъ скачки — три барана	48
четвертый призъ скачки — халаты	15

	руб. асс.
призъ борьбы—халать	15
четыре лошади для стола	160
одна корова — —	30
четыре барана — —	24
коза — —	5
фунтъ чаю	42
16 фунтовъ сахару	32
кумыса 42 турсука, въ каждомъ сред-	
нимъ числомъ 12 ведеръ, полагая	
ведро по 50 копѣекъ	252
шесть пудовъ сарацинскаго пшена, по	
8 рублей за пудъ	48

 1,191

Итого тысяча-сто-девяносто-одинъ рубль ассигнаціями. Не правда-ли, что и Киргизы умѣютъ проживать деньги?—